

УДК 82.091

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-0-16-7

Д.А. ГОЛУБЬ,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии и перевода
Университета имени Альфреда Нобеля (г. Днепро)*

ДЖЕЙМС БОНД И ШТИРЛИЦ В КОНТЕКСТЕ «PERSONAL HISTORY»

Статья посвящена исследованию *personal history* супершпиона британской разведки Джеймса Бонда и советского разведчика Штирлица. Феномен их мифологизации рассматривается сквозь призму сформированной Ю. Семеновым и И. Флемингом персональной истории популярных героев массовой литературы с актуализацией прообраза для их создания и попыткой предугадать востребованность массовым читателем набора тех или иных качеств и черт характера, заложенных в новом персонаже.

Ключевые слова: personal history, Джеймс Бонд, Штирлиц, мифологизация, прообраз, популярный герой, массовая литература, экранизация бондианы и штирлицяны.

Статья посвящена дослідженню *personal history* супершпигуна британської розвідки Джеймса Бонда і радянського розвідника Штірліца. Наголошується на особливому розумінні міфу з його історичними особливостями, яке склалося в літературі в кінці ХХ ст., з обов'язковим висвітленням повтворюваних закономірностей в житті людства. Феномен мифологізації популярних героїв розглядається крізь призму їх персональної історії, сформованої Ю. Семеновим та І. Флемінгом з актуалізацією першообразу для їх створення і спробою передбачити затребуваність масовим читачем набору тих чи інших якостей і рис характеру, закладених в новому персонажі.

Прототипам Бонда і Штірліца приділяється особлива увага, спонукаючи до пошуків реальних витоків романних героїв і тим самим створюючи прообразну історію на основі біографії письменників і реальних постатей розвідників. Підкреслюється значущість появи популярних героїв на телеекрані, що, у свою чергу, увиразнює літературне буття Штірліца та Бонда, даючи поштовх до створення нових історій, відеоігор, коміксів, анекдотів про шпигунів/розвідників серед масових читачів/глядачів.

Підкреслюється особливе сприйняття масовою аудиторією героїв-шпигунів: місія агента 007 лягала в тому, щоб стати новим символом Англії, відновити честь Британії в очах усього світу – це повинен був бути не просто герой, а людина з надзвичайними здібностями, яка непримиренна до зла і, врешті-решт, перемагає його, залишаючись при цьому красенем-джентельменом, який підкорює жіночі серця; семенівський герой не володів «бондівськими» надфектними трюками, його головною гідністю була здатність тверезо і багато думати, приймати відповідальні рішення і відстоювати їх до кінця, сподіваючись тільки на себе. Після нелегких перемог і гірких розчарувань за останні 50 років ХХ ст. читачеві було необхідне розуміння того, що герой-романтик існував і виконував визвольну місію. Тому до приходу Ісаєва-Штірліца та Джеймса Бонда були готові, їх чекали і прийняли беззастережно.

Так, поява нових літературних героїв у масовій літературі сприймається як знакове явище епохи І. Флемінга та Ю. Семенова, а нові міфи серед масового читача і глядача породжуються їх немеркнучою популярністю та постійною зацікавленістю до постатей персонажів, які вийшли за рамки романів.

Ключові слова: personal history, Джеймс Бонд, Штірліц, мифологизация, прообраз, популярный герой, масова література, екранізація бондіани і штірліціани.

Художественной литературе, независимо от ее разделения на «высокую» и «низкую», свойственна неразрывная связь с мифологией, с совокупностью мифов, определяющих стадии развития общества и человечества в целом. Повседневная жизнь пропитана мифами и полностью подчинена им. Об этом свидетельствует отказ

общественности от устаревшего утверждения о том, что мифологично лишь античное прошлое, а современность рациональна. Для литературы конца XX начала XXI вв. сложилось особое понимание мифа с его историческими чертами, но при этом освещающего повторяющиеся закономерности в жизни человечества (А. Гулыга, А. Пятигорский, Ж.-Л. Нанси и Ф. Лаку-Лабарт, Р. Барт, Я. Голосовкер, Г. Кнабе, Г. Косиков, Д. Затонский, Г. Сорокина, В. Наривская, В. Демин и др.). По мнению Д. Лихачева, «любое познание через науку, через искусство, через любое человеческое сознание есть мифологизация» [1, с. 7]. Мифологизация в литературе есть отображением мироощущения автора, более того, именно миф открывает возможность для бесконечной художественной игры, допускает наличие бесчисленных параллелей и аналогий, которые реализуются в поэтике художественного произведения. Миф – это своего рода средство для концептуализации мира.

Как отметил А. Гулыга, «Миф – форма мысли, свойственная человеку <...>. Погруженность мифа в бытие делает его незаменимой формой» [2, с. 172]. Бессознательный уровень мысли, утверждение «работы над мифом» и «использование его в своих художественных целях» являются компонентами авторского мифа, взаимообусловленность которых подчеркнул исследователь, указав на соотнесенность мифа и личности. В своей работе «Диалектика мифа» А. Лосев определил личность и ее взаимоотношение с мифами следующим образом: «Миф есть слово о личности, слово, принадлежащее личности, выражающее и выявляющее личность» [3, с. 147]. Личность участвует в мифотворчестве и является составной частью мифа. Таким образом, появляется новый герой современности, которому уготована роль национального героя, определяющая его миссию. Массовая литература имеет пантеон своих героев, причем героев очень популярных. Созданная автором *personal history* мифологизируется, выходя за рамки литературного произведения.

В данной статье речь пойдет о двух героях западной и советской цивилизации, бытие которых давно обросло легендами и мифологизировалось – о британском супершпионе Джеймсе Бонде и советском разведчике/шпионе Штирлице. Для того, чтобы объяснить феномен мифологизации популярных героев массовой литературы, необходимо проследить этот процесс сквозь призму их персональной истории, которая на начальном своем этапе подразумевает использование прообраза для создания литературного персонажа, что, в свою очередь, всегда является поиском точки зрения, попыткой предугадать востребованность массовым читателем набора тех или иных качеств и черт характера, заложенных в новом персонаже. Для Ю. Семенова и И. Флеминга характерная чуткая реакция на запросы публики второй половины XX ст., времени непростого: разгар «холодной» войны между СССР и США, а также угроза Третьей мировой. Вторая мировая война нанесла непоправимый ущерб традиционному гуманизму, заставляя коллективное бессознательное (К. Юнг) тяготеть к новому героическому. Вопрос о прототипах Бонда и Штирлица всегда был актуальным и занимал умы многих исследователей, заставляя искать реальные истоки и создавать прообразную историю на основе биографии писателей и окружающей их действительности.

В 1965 г., находясь в Коктебеле, Ю. Семенов придумал Исаева-Штирлица – образ разведчика, прошедший через многие произведения писателя, получив название «штирлицана», и покоривший миллионы сердец. Сразу же после выхода первых романов о Штирлице (тогда он еще был Владимиром) появились «дискуссии на читательских конференциях и страницах газет, в которых спорили, был ли Штирлиц реальным лицом» [4, с. 53]. В семеновском Штирлице, он же Владимир и Исаев, доктор Брунн, Юстас и Юргенс – черты многих советских разведчиков: Рихарда Зорге, Вильяма Фишера (Абеля), Льва Маневича, Януша Радзвилла, Николая Кузнецова, Ивана Колоса, Джорджа Блейка, Леопольда Треппера, Януша Радзвилла, Кима Филби, Гордона Лондсдейла, Шандора Радо. С последним Ю. Семенов дружил долгие годы. Последний роман, в котором появляется Штирлиц, «Отчаяние» посвящен светлой памяти Шандора Радо, работавшего под псевдонимом «Дора». Но, по мнению Б. Эскина, «наиболее ценными при создании образа Отто фон Штирлица стали для Юлиана Семенова сведения, только-только приоткрытые, о деятельности советского агента в Берлине по кличке «Брайтенбах»», материал писатель получил с согласия председателя КГБ Ю. Андропова [5]. Агент советской разведки «Брайтенбах» Вилли Леман, числившийся в ГРУ под номером А/201, передавал ценнейшую информацию о самых засекре-

ченных проектах Рейха, он – один из тех, кто сообщил Центру дату и время начала вторжения в СССР – 3 часа 22 июня 1941 года по всей границе. В одной из бесед с Борисом Эскиным Юлиан Семенов признался: «Когда я взглянул на досье «Брайтенбаха», сразу понял – это мой Штирлиц, это – он!» [5]. Примечательно также признание Семенова в интервью газете «Дон» (1984) в том, что, создавая Штирлица, он оттолкнулся от одного из самых первых советских разведчиков, которого Дзержинский, Постышев и Блюхер заслали в оккупированный японцами Владивосток (1921), где при правительстве братьев Меркуловых была провозглашена Дальневосточная республика, ставшая последним оплотом Белого движения [6, с. 126]. Этого человека звали Максим Максимович Исаев – молодой, симпатичный, великолепно владеющий английским, французским и немецким, эlegantен, умен, пропал на бегах, будучи весьма удачливым в ставках, посещающий вернисажи и покупающий картины. Он начал работать репортером в газете и оказался успешным в своем деле. За короткое время ему удалось «подружиться» с нужными людьми в городе, более того, он лично был знаком с начальником контрразведки. Писатель Роман Ким рассказал Ю. Семенову, что Исаева круглосуточно охраняли люди из боевого отряда большевистского подполья, и он имел прямой канал связи с Постышевым. Об Исаеве много интересного узнал писатель также и от журналиста из Владивостока, работавшего в подполье, В. Шнайдера. И через несколько лет, когда «папа Штирлица» собирал в Кракове материал для романа «Майор Вихрь», один из польских разведчиков, работавших в этом городе, рассказал, что о подготовке к уничтожению Кракова им сообщил приехавший из Берлина штандартенфюрер. И словесный портрет офицера из СД необычным образом совпал с описанием Максима Максимовича Исаева.

По словам Ю. Семенова, Роман Ким нарисовал ему точный портрет «белогвардейского газетчика» [4, с. 54]. О том, что в самом сердце немецкой спецслужбы находился глубоко законспирированный советский разведчик, рассказывали автору в своих беседах самые разные люди, так или иначе связанные с Третьим Рейхом. «Вот, собственно, с этого и начался мой герой – Максим Максимович Исаев, – который из романа «Пароль не нужен» перешел в роман «Майор Вихрь» <...> А уж потом – в роман «Семнадцать мгновений весны» и затем – в «Бриллианты для диктатуры пролетариата»» (из интервью Ю. Семенова с Б. Эскиным) [7, с. 13]. Неудивительно, что именно такой герой особенно полюбился «читающей нации» и мало-помалу стал обрастать серьезной, достоверной биографией – «легендой». На страницах «саги о Штирлице» читатель знакомится с отцом полюбившегося героя, женой и сыном, и уверенность в том, что этот персонаж реальный, лишь усиливается. Как это охарактеризовал Ю. Семенов: «Если писатель хорошо узнал <...> и полно прочувствовал своего героя – всем своим существом уверовал в него! – то, он, герой, хотя и вымышленный и собирательный, впитав живую душу и кровь автора, тоже становится живым, конкретным, индивидуальным» [6, с. 126].

Создав образ разведчика-интеллектуала, Ю. Семенов тем самым генерировал миф, свидетельством чему есть огромное количество историй и анекдотов. Не что иное, как популярность Исаева-Штирлица, переживавшего со страниц шпионского романа на большой экран, обусловила его появление в фольклорных текстах, а именно в «кинозависимом анекдоте» или, как уточняет А. Архипова, в «кинотелезависимом» [8, с. 7]. Штирлиц стал народным героем и неспроста – ведь культура постсоветского пространства не терпит и малой толики корысти. «Шумные» подвиги ради орденов и почестей не смогли бы покорить советского читателя. Для него было важно понимать, что Макс Отто фон Штирлиц бескорыстен, его подвиг молчалив, но, несомненно, важный. В отличие от традиционных героев русской литературы штандартенфюрер не меняется, не мечется, не грешит и не раскаивается. Каждое его слово выверено, а каждый шаг продуман и отработан, в душе его царит покой даже в минуты запредельной опасности. Именно такого поведения ждала от блестящего разведчика позднесоветская общественность. Академик П. Капица рассказал, что математики просчитали «главное качество Штирлица, которое ему обеспечивает читательский интерес, – умение принимать самостоятельные решения. Завидное качество, ныне, к сожалению, редко встречающееся, – мы все ждем указаний, санкций, директив ...» [9].

Юлиан Семенов получал много писем от читателей, в которых разные люди, разных возрастов, разных национальностей и вкусов спрашивали адрес полковника Исаева, что-

бы начать с ним переписку; некоторые поклонники Штирлица просили литератора рассудить спор и сказать, является ли разведчик персонажем вымышленным или такой человек действительно существовал. После выхода блестящей экранизации «Семнадцать мгновений весны» Т. Лиозновой Штирлиц предстал перед поклонниками в новом облике киногероя. И хотя семеновский персонаж не владел «бондовскими» сверхэффектными трюками, его главными достоинствами были способность трезво и много думать, принимать ответственные решения и отстаивать их до конца, надеясь только на себя. После нелегких побед и горьких разочарований за последние 50 лет XX в. читателю было необходимым понимание того, что герой-романтик существовал, и, находясь во вражеском окружении, работал против него и выполнял освободительную миссию. Поэтому к приходу Исаева-Штирлица были готовы, его ждали и приняли безоговорочно.

В это же время на родине Джеймса Бонда также происходили перемены – исторические, социальные, эстетические. Некогда великая британская империя утратила свое былое могущество и величие, на политической арене появились более сильные конкуренты. Модель викторианской Англии с ее ценностями исчерпали себя, сменившись ощущением общеевропейского и национального кризиса. Эти события продуцировали развитие нового типа героя в массовой литературе, который бы возродил «значимость» своей страны, став носителем «britishness» («английской идентичности»). В 1953 г. в романе «Казино “Руаяль”» Иен Флеминг представил публике супершпиона британской разведки Джеймса Бонда, агента с двумя нолями, миссия которого заключалась в том, чтобы стать новым символом Англии, отображающим обеспокоенность событиями 1950-х и в то же время являющимся «**an embodiment of the glory, honor, and refinement of pre-war Britain**» («воплощением славы, чести и высокой культуры довоенной Британии») [10, с. 18], а так же призванным «**restore British honor in the eyes of the world**» («восстановить честь Британии в глазах всего мира») [11, с. 325]. Это должен был быть не просто герой, а человек со сверх способностями, неумолимо преследовавший зло и в конечном итоге побеждающий его, оставаясь при этом красавцем-джентельменом, покоряющим женские сердца.

Спустя десятилетие Джеймс Бонд появился на экране, что положило начало эпохальной «бондиане» как литературной, так и кинематографической. Массовый читатель и зритель полюбил командера ВМФ Великобритании, также известного как «агент 007», и с неподдельным любопытством ждал продолжения саги. Американское издание по вопросам киноискусства «Motion Picture Herald» утверждает, что: «The vast numbers of people <...> who have read avidly, hungrily and expectantly every story of intrigue and excitement written by Ian Fleming <...> form a wide, waiting and ready audience for the first of the films based on James Bond stories» («Огромное количество людей, которые выжидали и с упоением и жадностью прочли каждую интригующую и волнующую историю Иена Флеминга, образовали ожидающую и подготовленную публику для первых фильмов, основанных на историях о Джеймсе Бонде») [12, с. 136]. В свою очередь невероятный кинематографический успех способствовал не только увеличению количества проданных книг, но и «**significantly broadened the social basis of Bond’s popular appeal in Britain and extended the horizons of his popularity internationally**» («существенно увеличил социальную основу популярности Бонда в Британии и расширил горизонты его популярности в международном масштабе») [13, с. 29]. Автор классической биографии Иена Флеминга Э. Лайсетт назвал Джеймса Бонда «a film-led phenomenon» («феноменом, продвигающимся за счет фильмов») [10, с. 8]. За время после выхода первого романа Бонд стал выдающимся культовым героем современности. Американский социолог Ли Драммонд назвал агента 007 «the Hero of Our Age» («героем нашего времени») [14, с. 13]. Бондологи Т. Беннет и Дж. Вуллакотт в своей книге «Bond and Beyond: the political career of a popular hero» («Бонд и не только: политическая карьера популярного героя, 1987») обозначили Флеминга и Бонда «**household names**» («широкоизвестными личностями») в Великобритании. Феномен Бонда давно вышел за рамки не только литературного произведения, но и кинематографа, ознаменовав тем самым появление «Bond franchise» («франшизы Бонда»), что, в свою очередь, способствовало мифологизации образа популярного героя массовой литературы, который нашел свое продолжение в комиксах, видеоиграх, телешоу и пародиях.

Как и Штирлиц, Бонд – это собирательный образ, прототипами которого были несколько человек. В первую очередь, alter ego агента 007, по мнению биографов Флеминга

(Г. Зайгера, Э. Лайсетта, Дж. Пирсона), – это его литературный отец: их судьбы, убеждения, пристрастия к хорошему алкоголю, азартным играм и женщинам схожи. Но все же важным прототипом сильной личности доблестного агента «**British Intelligent Service**» был героический образ отца писателя, которому тот всю жизнь пытался подражать. Свой вклад в формирование литературного героя внес сослуживец Флеминга Мерлин Миншел, многим Бонд обязан знакомству своего литературного отца с главой разведывательного бюро в Париже Уилфредом Дандердейлом: денди и светский лев, завсегда лондонских фешенебельных клубов, коллекционер огнестрельного оружия, всегда безупречно одетый с репутацией профессионала экстра класса. Некоторые черты характера Джеймс Бонд унаследовал от Питера Смиза – разведчика, дипломата и политика. На выставке в Лондоне, посвященной столетию Иена Флеминга, были представлены доказательства того, что к прототипам суперагента можно отнести советского разведчика Рихарда Зорге, которому посмертно присвоили звание Героя Советского Союза (в этом заключается небольшое сходство со Штирлицем). Также бытует мнение о том, что к возможным прототипам Бонда относился немецкий аристократ граф Бернард фон Липпе-Бистерфелд. Голландский писатель и биограф принца Бернарда Томас Росс утверждает, что Флеминг позаимствовал у него некоторые внешние особенности и привычки для своего литературного персонажа. Но это утверждение не нашло подтверждения среди бондологов.

В своей монографии «**The Man Who Saved Britain**» («Человек, который спас Британию», 2006) С. Уиндер, анализируя причину успеха книг и фильмов об агенте 007, утверждает, что созданный Флемингом образ супершпиона появился в нужное время и в нужном месте. Болезненно переживая запятанный облик и репутацию империи, Британия с восторгом приняла героя И. Флеминга, навевающего «золотой сон» о неутраченном могуществе и сверхдержавном статусе, поскольку Джеймс Бонд – это британский знак качества. Он привлекательный, элегантный, с безупречным вкусом и изобретательным умом, патриотизмом, чувством юмора, способностью молниеносно реагировать на угрозу и принимать правильные решения. В романах Флеминга главный персонаж предстал в образе современного джентльмена, а на экране агент 007 является «воплощением мифа массовой культуры об этом вымирающем типе» [15, с. 71]. Для массового читателя Бонд – это не просто идеальный секретный агент, он, по мнению бондолога Р. Кросса, является «**the epitome of English gentleman – a paragon of gentlemanly breeding who could put the cads to shame or death**» («отличным примером английского джентльмена – образцом джентльменского воспитания, который смог заткнуть за пояс или лишить жизни подлецов») [11, с. 325]. В своем исследовании на тему «**The Image of the English Gentleman in Twentieth-Century Literature: Englishness and Nostalgia**» («Образ английского джентльмена в литературе XX-го столетия: английскость и ностальгия», 2008) К. Берберич утверждает, что Флеминг «**clearly created his master spy as an English gentleman**» («явно создал своего резидента разведки английским джентльменом»), а в фильмах Бонд является «**a quintessential gentleman**» («квинтэссенцией джентльмена») с шикарным автомобилем «Бентли» 1930-го г. выпуска, сигаретами изготовленными под заказ, безупречным вкусом в отношении одежды, еды, вина и женщин наравне со способностью распознать и уничтожить врага, не запачкав своего элегантного смокинга [16, с. 162–163]. Но все же в биографии и привычках Бонда присутствует ряд факторов, ставящих под сомнение его джентльменскую безупречность – Джеймс Бонд не чистокровный англичанин, его отец шотландец, а мать швейцарка; он являлся студентом престижной Итонской школы джентльменов, но его исключили; не располагает агент 007 и собственным счетом в банке, который бы позволил ему не работать; профессионализм на службе зачастую сопряжен с использованием «неджентльменской» тактики: мошенничества в гольфе и игре в карты. Как утверждает К. Берберич, Иен Флеминг намеренно создал «**a flawed gentleman**» («джентльмена с изъянами»). Литературный отец агента 007 обозначил это следующим образом: «**Bond is really a latter-day Saint George. He does kill wicked dragons after all**» («Бонд действительно современный Святой Георгий. Но он все-таки убивает свирепых драконов») [17, с. 52].

В своем исследовании «**James Bond, 007: Figure Mythique**» («Джеймс Бонд, агент 007: мифическая фигура», 2008) Ф. Аш-Биссетт, Ф. Булли, В. Шениль обозначили миф Джеймса Бонда и вместе с погружением в его мир и его вселенную предоставили тому доказа-

тельства. Авторы книги убеждены, что Джеймс Бонд берет свое начало от «des figures anciennes» («древних персонажей»), от которых он и унаследовал «l'image flamboyante du chevalier» («образ рыцаря в сверкающих доспехах») [18, с. 10]. Но агент 007 – это современный рыцарь, сидящий в смокинге и размышляющий о революции нравственности и места порядочности в ней. Он так же объединил в себе и другие образы, полностью основанные на вымысле (Геракл, Дионис). Тем не менее Джеймс Бонд остается верным себе, несмотря на множество узнаваемых в нем образов. Возможно, поведение героя Флеминга отклоняется от кодекса джентльмена в классическом понимании, но времена изменились, и нужно самому стать авантюрным, немного грубым и похожим на врага, чтобы его ликвидировать.

Несомненно, Джеймс Бонд и Штирлиц стали чем-то большим, чем литературный и кинематографический герой, пережив несколько творческих реинкарнаций и выйдя за пределы alter ego своего создателя. **Агент 007 и советский разведчик стали воплощением нового типа героя, признанного во всем мире, каким он должен быть.** Осознание того факта, что в реальности такого героя существовать не может, не мешает Бонду и Штирлицу быть постоянно популярными, потому как они – воплощение ожиданий массового читателя и зрителя, «enduring cultural potency» («устойчивые культурные потенциалы») творений Флеминга и Семенова с очевидными «myth-making powers» (мифотворческими силами) [19, с. 142].

Появление таких литературных героев как Исаев-Штирлиц и Джеймс Бонд в массовой литературе стали знаковым явлением эпохи И. Флеминга и Ю. Семенова, а их немеркнущая популярность и постоянное любопытство к фигуре персонажей, вышедших за рамки романов, порождают новые мифы среди массового читателя и зрителя.

Список использованных источников

1. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества / Д.С. Лихачев. – СПб.: БЛИЦ, 1999. – 191 с.
2. Гулыга А.В. Миф и современность. О некоторых аспектах литературного процесса / А.В. Гулыга // Иностранная литература. – 1984. – № 2. – С. 167–174.
3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – М.: Правда, 1990. – 655 с.
4. Хруцкий Э.А. Проходные дворы / Э.А. Хруцкий. – М.: Детектив-Пресс, 2009. – 496 с.
5. Эскин. Б. Мгновения с Юлианом Семеновым. Часть 6. Штирлиц – это Семёнов / Б. Эскин // Электронная библиотека «Тредиаковский литературный альманах» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trediakovsky.ru/mgnoveniyasyulianomsemyonovymchast6shtirlicetosemyon/str/0/2> (последнее обращение 14.04.2019).
6. Семенов Ю. Документ – это пища для размышлений / Ю. Семенов // «Дон» – Ростов Н/Д. – Ростовское книжное изд-во, 1984. – Т. 28. – № 6. – С. 126–134.
7. Семенов Ю.С. Неизвестный Юлиан Семенов. Умру я ненадолго... / Ю.С. Семенов, О.Ю. Семенова. – М.: Вече, 2011. – 421 с.
8. Архипова А.С. «Штирлиц шел по коридору...». Как мы придумываем анекдоты / А.С. Архипова. – М.: РГГУ, 2013. – 156 с.
9. Мальхан. «Исаев-Штирлиц» и загадочная смерть Юлиана Семенова / Мальхан // Проза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2009/10/25/202> (последнее обращение 14.04.2019).
10. James Bond in world and popular culture. The films are not enough / edited by R.G. Weiner, B.L. Whitfield, J. Becker. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011. – 523 p.
11. Cross R. Ian Fleming's refashioning of the English gentleman in «From Russia with love» / R. Cross // James Bond in world and popular culture. The films are not enough. – Second edition / edited by R.G. Weiner, B.L. Whitfield, J. Becker. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011. – P. 316–329.
12. Chapman J. James Bond and Britishness / J. Chapman // Ian Fleming and James Bond: the cultural politics of 007 / edited by E.P. Comentale, S. Watt, S. Willman. – Bloomington: Indiana University Press, 2005. – 282 p.
13. Bennet T. Bond and beyond: the political career of a popular hero / T. Bennet, J. Wool-lacott. – London: Macmillan education, 1987. – 315 p.

14. Drummond L. American dreamtime: A cultural analysis of popular movies and their implications for a science of humanity / L. Drummond. – London: Rowman and Litfield Publishers, 1996. – 344 p.

15. Голицына Н. Знак 007: Джеймс Бонд в книгах и на экране / Н. Голицына, А. Шарый. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 360 с.

16. Berberich Ch. The image of the English gentleman in twentieth-century literature: Englishness and Nostalgia / Ch. Berberich. – Aldershot: Ashgate, 2008. – 218 p.

17. Cannadine D. James Bond and the decline of England / D. Cannadine // Encounter. – 1979. – 53/3 (November). – P. 46–55.

18. Hache-Bissette F., Bouilly F. James Bond: Figure Mythique / F. Hache-Bissette, F. Bouilly, V. Chenille. – Paris: Editions Autrement, 2008. – 191 p.

19. Ian Fleming and James Bond: The Cultural Politics of 007 / ed. by E.P. Commentale, S.Watt, S. Willman. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – 312 p.

JAMES BOND AND STIERLITZ IN THE CONTEXT OF “PERSONAL HISTORY”

Dar'ya A. Holub, Alfred Nobel University (Ukraine).

E-mail: darja.golub@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-0-16-7

Key words: *personal history, James Bond, Stierlitz, mythologization, prototype, popular character / hero, mass literature, screen adaptation of bondiana and stierlitziana.*

The article is devoted to the study of the personal history of superspies from British Intelligence James Bond and the Soviet intelligence officer Stierlitz. The special understanding of the myth with its historical features, which has been developed in the literature by the end of the 20th century, with the obligatory coverage of the repetitive patterns in the life of mankind is emphasized. The phenomenon of the mythologization of popular characters/heroes is considered through the prism of their personal history, formed by J. Semenov and I. Fleming, with the actualization of the foretype for their creation and an attempt to predict the mass reader's demand for a set of certain qualities and features laid down in the new character.

Particular attention is given to Bond and Stierlitz prototypes, prompting the search for real origins of novel characters and thereby creating a protoplast story based on the biography of writers and real figures of intelligent officers. The importance of the appearance of popular characters on the TV screen is emphasized. It is underlined that this process has significantly permeated the literary existence of Stierlitz and Bond, giving impetus to the creation of new stories, video games, jokes and funny stories about spies / intelligent officers among mass readers / viewers.

Special perception by the mass audience of spy characters / heroes is stressed: whereas the mission of the 007 agent was to become the new symbol of England, to restore the honour of Britain in the eyes of the whole world – he was supposed to be not just a hero, but a man with extraordinary abilities that was irreconcilable to evil and eventually, could triumph over it, while remaining handsome gentleman conquering women's hearts; Semenov's hero did not possess Bond like eye-catching tricks, his main strengths were his ability to stay focused and think a lot, make responsible decisions and defend them to the end, relying only on himself. After difficult victories and bitter disappointments during the last 50 years of the 20th century, the reader needed an understanding of the fact that the romantic hero did exist and could perform a rescue mission. Therefore, the arrival of Isaev-Stierlitz and James Bond was anticipated, new mass characters / heroes were accepted unconditionally.

Thus, the emergence of new literary characters in mass literature is perceived as a significant phenomenon of the era of I. Fleming and J. Semenov, and new myths among the mass readers and viewers are generated by their incredible popularity and constant interest in their personalities who have gone far beyond the scope of the novels.

References

1. Likhachev, D. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva* [Essays on the philosophy of artistic creation]. Saint Petersburg, BLITZ Publ., 1999, 191p.

2. Guluga, A. *Mif i sovremennost. O nekotoryh aspektah literaturnogo processa* [Myth and modernity. On some aspects of the literary process]. *Inostrannaya literatura* [Foreign literature], 1984, no 2, P. 167-174.

3. Losev, A. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 655 p.

4. Khrutskii, E. *Prokhnodnye dvory* [Communicating courtyard]. Moscow, Detektiv-Pres Publ., 2009, 496 p.
5. Eskin, B. *Mgnoveniya s Yulianom Semenovym. Chast 6. Stirlitz eto Semenov* [Moments with Julian Semenov. Part 6. Stierlitz is Semenov]. Electronic library *Trediakovskii literaturnyi almanakh* [Tredyakov's literary almanac]. Available at: <http://www.trediakovsky.ru/mgnoveniya-s-yulianom-semyonovym-chast-6-shtirlic-eto-semyonov/str/0/2> (Accessed 14 April 2019).
6. Semenov, Yu. *Dokument eto pischa dlya razmyshlenii* [The document is a food for thought]. *Don* [Don]. Rostov-na-Donu, Rostovskoe knozhnoe izdatelstvo Publ., 1984, vol. 28, no. 6, p. 126-134.
7. Semenov, Yu., Semenova, O. *Neizvestnyi Yulian Semenov. Umru ya nenadolgo...* [Unknown Julian Semenov. I am only dying for a while...]. Moscow, Veche Publ., 2011, 421 p.
8. Arkhipova, A. *"Stirlitz shel po koridoru..."*. *Kak my pridumyvaem anekdoty* ["Stierlitz was walking down the hall...". How do we come up with jokes]. Moscow, RGGU Publ., 2013, 156 p.
9. Malkhan. *"Isaev-Stirlitz" I zagadochnaya smert Yuliana Semanova* ["Isaev-Stierlitz" and mysterious death of Julian Semenov]. *Proza* [Prose]. Available at: <http://www.proza.ru/2009/10/25/202> (Accessed 14 April 2019).
10. Weiner, R.G., Whitfield, B.L., Becker, J. (ed.). *James Bond in world and popular culture. The films are not enough*. Cambridge, Cambridge Scholars Publ., 2011, 523 p.
11. Cross, R. Ian Fleming's refashioning of the English gentleman in "From Russia with love". In: Weiner, R.G., Whitfield, B.L., Becker, J. (ed.). *James Bond in world and popular culture. The films are not enough*. Cambridge, Cambridge Scholars Publ., 2011, pp. 316-329.
12. Chapman, J. James Bond and Britishness. In: Comentale, E.P., Watt, S., Willman, S. (ed.). *Ian Fleming and James Bond: the cultural politics of 007*. Bloomington, Indiana University Press, 2005, 282 p.
13. Bennet, T., Woollacott, J. *Bond and beyond: the political career of a popular hero*. London, Macmillan education Publ., 1987, 315 p.
14. Drummond, L. *American dreamtime: A cultural analysis of popular movies and their implications for a science of humanity*. London, Rowman and Litfield Publ., 1996, 344 p.
15. Golitsina, N., Sharyi, A. *Znak 007: Djeims Bond v knigakh i na ekrane* [007: James Bond in books and on screen]. Moscow, Novoe literaturnoe obozreniye Publ., 2010, 360 p.
16. Berberich, Ch. *The image of the English gentleman in twentieth-century literature: Englishness and Nostalgia*. Aldershot, Ashgate Publ., 2008, 218 p.
17. Cannadine, D. James Bond and the decline of England. In: *Encounter*, 1979, 53/3 (November), pp. 46-55.
18. Hache-Bissette, F., Bouilly, F., Chenille, V. *James Bond: Figure Mythique* [James Bond: Mythic Figure]. Paris, Editions Autremen Publ., 2008, 191 p.
19. Comentale, E.P., Watt, S., Willman, S. (ed.). *Ian Fleming and James Bond: the cultural politics of 007*. Bloomington, Indiana University Press, 2008, 312 p.

Одержано 4.03.2019.